

Н. Долинина

Битва при Шенграбене

Понимая, что русская армия почти в безвыходном положении, Кутузов решил послать Багратиона с четырьмя тысячами солдат через труднопроходимые Богемские горы навстречу французам, а сам он со всей остальной армией, обозами и тяжестями двинулся туда же по другой, более легкой, но более длинной дороге. Багратиону предстояло не только быстро совершить трудный переход, но и задерживать сорокатысячную французскую армию до прихода Кутузова. Вот почему, прощаясь с Багратионом, Кутузов сказал: «Благословляю тебя на великий подвиг».

Отряду Багратиона удалось опередить французов и даже ввести их в заблуждение. Любимый маршал Наполеона Мюрат подумал, что перед ним вся русская армия, и тоже решил дожидаться, когда подойдут все наполеоновские войска. Пока это известие дошло до Наполеона и он понял ошибку Мюрата, отряд Багратиона получил передышку. Русские расположились возле австрийской деревни Шенграбен и ждали сражения.

Здесь, в битве под Шенграбеном, мы увидим всех, с кем познакомились до сих пор. Здесь будут Николай Ростов и Денисов, любитель шуток Жерков и храбрый Долохов, красноносый капитан Тимохин и полковой командир Ростова, и тот генерал, чей полк смотрел Кутузов в Браунау, и князь Андрей Болконский, и Багратион. Только Телянина здесь не будет: позорный поступок освободил его от необходимости участвовать в сражении: он вышел из полка, пристроился где-то в другом месте и больше не подвергается опасности быть раненым или убитым.

Как же ведут себя в бою все те, с кем мы познакомились в предыдущих главах? Точно так же, как каждый из них вел себя в будни войны, потому что чудес не бывает, и в трудный момент, когда в человеке собираются все силы, силы эти — те самые, что накоплены долгими обычными днями его жизни.

Как всегда, холоден, спокоен и деловит князь Андрей. Добившись все-таки разрешения присоединиться к отряду Багратиона, он прежде всего отправляется осматривать позицию и изучать расположение войск.

«Ежели это один из обыкновенных штабных франтиков, посылаемых для получения крестика, то он и в арьергарде получит награду, а ежели хочет со мной быть, пускай... пригодится, коли храбрый офицер».

Так думает о нем Багратион, а князь Андрей не торопится показывать свою храбрость; ему важно понять и продумать предстоящее сражение, чтобы в нужную минуту действовать разумно и хладнокровно.

Кая всегда, дерзок и храбр Долохов. Мы дважды встречаем его в этот день: перед сражением он, подойдя к самому краю цепи, переговаривается с французским гренадером. «Француз доказывал, смешивая австрийцев с русскими, что русские сдались и бежали от самого Ульма; Долохов доказывал, что русские не сдавались, а били французов». Было очень рискованно, стоя перед дулами французских ружей, называть императора Наполеона просто по фамилии: Бонапарте. Долохов решается на это.

«Нет Бонапарте. Есть император!..» — кричит француз.

«Черт его дери, вашего императора!» — отвечает Долохов.

Таков он был в компании Анатоля Курагина, когда вызвался вышить бутылку рому, сидя на окне третьего этажа со спущенными наружу ногами. Таков он был на смотре в Браунау, когда «громко, звучно» сказал полковому командиру, что не обязан переносить оскорбления. Он никого и ничего не боится, этот красивый человек с наглыми светлыми глазами. Но зачем его храбрость?

Она проявится в бою: Долохов «в упор убил одного француза и первый взял за воротник сдавшегося офицера». Но после этого он подойдет к полковому командиру:

«—Ваше превосходительство, вот два трофея, – сказал Долохов, указывая на французскую шпагу и сумку. – Мною взят в плен офицер. Я остановил роту. – Долохов тяжело дышал от усталости; он говорил с остановками. – Вся рота может свидетельствовать. Прошу запомнить, ваше превосходительство!

— Хорошо, хорошо, – сказал полковой командир... Но Долохов не отошел; он развязал платок, дернул его и показал запекшуюся в волосах кровь.

— Рана штыком, я остался во фронте. Попомните, ваше превосходительство».

Везде, всегда он помнит прежде всего о себе, только о себе; все, что делает, делает для себя. И на смотре, и в бою он самоутверждается; в этом не было бы особой опасности, если б не одно: когда человек думает только о себе, он непременно приносит беду и боль окружающим — мы еще увидим, как может быть жесток и бесчеловечен Долохов в своем непробиваемом эгоизме.

Нас не удивляет и поведение Жеркова, когда в разгар боя Багратион послал его с важным поручением к генералу левого фланга.

«Жерков бойко, не отнимая руки от фуражки, тронул лошадь и поскакал. Но едва только он отъехал от Багратиона, как силы изменили ему. *На него нашел непреодолимый страх, и он не мог ехать туда, где было опасно.*

Подъехав к войскам левого фланга, он поехал не вперед, где была стрельба, а стал отыскивать генерала и начальников там, где их не могло быть, и потому не передал приказа».

Приказание было — немедленно отступить. Из-за того, что Жерков не нашел генерала, французы отрезали русских гусар, многие были убиты и ранен товарищ Жеркова Ростов. Но некогда и непривычно было Жеркову думать о последствиях своего поведения, потому что думать о чем бы то ни было он не умел.

Здесь, в бою, мы встречаем и двух полковых командиров. Один — полковник, под чьим началом служат Ростов и Денисов, тот самый, кто так берег честь своего полка, что скрыл преступление Телянина. И второй — генерал, полковой командир Долохова и Тимохина, полагавший на смотре, что «лучше перекланяться, чем недокланяться». Оба они, профессиональные военные, ведут себя в бою так же, как в будничной обстановке: «В то самое время как на правом фланге давно уже шло дело и французы уже начали наступление, оба начальника были заняты переговорами, которые имели целью оскорбить друг друга. Полки же, как кавалерийский, так и пехотный, были весьма мало приготовлены к предстоящему делу».

Они не трусы, эти люди, нет. Они только не умеют забыть во имя общего дела себя, свое самолюбие, свою карьеру, свои личные интересы, сколько бы громких слов они ни говорили о чести полка и как бы ни показывали свою заботу о полке. Приехав в цепь, оба начальника остановились под французскими пулями. «Генерал и полковник строго и значительно смотрели, как два петуха, готовящихся к бою, друг на друга, напрасно выжидая признаков трусости. Оба выдержали экзамен. Так как говорить было нечего и ни тому, ни другому не хотелось подать повод другому сказать, что он первым выехал из-под пуль, они долго простояли бы там, взаимно испытывая храбрость...»

Долго простоять не пришлось: французы напали на их полки, оставалось одно — атаковать на неудобной местности; это грозило потерями, но иного выхода уже не было.

Читаешь об всем этом и думаешь: как же все-таки удалось небольшому отряду выполнить свою задачу и соединиться с армией Кутузова? И почему гораздо позднее Наполеон, сосланный на остров Святой Елены, вспоминая битву под Шенграбеном, сказал, что «несколько русских батальонов показали неустранимость»?

Потому что русская армия состояла не только из полковых командиров и штабных франтиков, в ней были другие офицеры, в ней были солдаты, и этими «несколькими батальонами» командовал Багратион.

Из-за ошибки Мюрата французы и русские некоторое время стояли друг против друга, договорившись о перемирии на три дня и не веря в это перемирие. Но вот Мюрат получил грозное письмо Наполеона, угадавшего, что под Шенграбенем стоит не вся армия Кутузова, а лишь небольшой отряд, и приказавшего немедленно вступить в бой. Русские войска еще раскладывали костры, варили кашу, философствовали, когда «в воздухе послышался свист; ближе, ближе, быстрее и слышнее, слышнее и быстрее... Земля как будто ахнула от страшного удара».

«Началось! Вот оно!» – думал князь Андрей...

«Началось! Вот оно! Страшно и весело!» – говорило лицо каждого солдата и офицера.

Выражение: «Началось! Вот оно!» было даже и на крепком карем лице князя Багратиона с полужакрытыми, мутными, как будто невыспавшимися глазами».

По мнению Толстого, история идет вперед независимо от воли отдельных людей, называемых великими; ход истории складывается из поступков множества людей, которые невозможно направить, предугадать заранее, запланировать, и настоящий полководец не должен во время боя навязывать свою волю; он только наблюдает происходящее, а события движутся по воле истории.

Вот почему Толстой подчеркивает неподвижность лица Багратиона и его почти равнодушное отношение к докладам князя Андрея, которого удивляет, что «приказаний никаких отдаваемо не было, а что князь Багратион только старался делать вид, что все, что делалось по необходимости, случайности и воле частных начальников, что все это делалось хоть не по его приказанию, но согласно с его намерениями».

Толстой старается убедить нас в справедливости своей исторической теории, но сам же и разубеждает: он, севастопольский офицер, знает войну и пишет о ней с той мерой правды, которая неодолимо пробивается через его собственные теории.

Если Багратион, не отдавая никаких приказаний, только подчиняется «необходимости, случайности и воле частных начальников», то почему тогда князю Андрею так радостно видеть на его неподвижном лице то же выражение, что и на лицах всех солдат и офицеров? Почему, заметив старую, каких теперь, не носят, шпагу Багратиона, князь Андрей «вспомнил рассказ о том, как Суворов в Италии подарил свою шпагу Багратиону, и ему в эту минуту особенно приятно было это воспоминание»? Почему, наконец, «начальнику с расстроенными лицами подъезжавшие к князю Багратиону, становились спокойны, солдаты и офицеры весело приветствовали его и становились оживленнее в его присутствии»?

Потому что Толстой-художник опровергает философию Толстого. Вот как он описывает Багратиона в разгар сражения: «Лицо его выражало ту сосредоточенную и счастливую решимость, которая бывает у человека, готового в жаркий день броситься в воду и берущего последний разбег. Не было ни невыспавшихся, тусклых глаз, ни притворно глубокомысленного вида: круглые, твердые, ястребиные глаза восторженно и несколько презрительно смотрели вперед...»

Если воля отдельного человека ничего не решает, то зачем Багратион, проговорив: «С богом!» и «слегка размахивая руками, неловким шагом кавалериста, как бы тудясь, пошел вперед по неровному полю» — и потом, оглянувшись, закричал: «Ура!»?

Затем, что этим он подал сигнал к атаке: «Обгоняя князя Багратиона и друг друга, нестройно, но веселою и оживленною толпой побежали наши под гору за расстроенными французами».

Князь Андрей, испытывая большое счастье, шел рядом с Багратионом, следом шли другие офицеры и солдаты, началась атака русских, и воля крепкого человека с темным лицом и ястребиными глазами стала волей истории.